

Дмитрий Ланев

Магия пирамид

18+

Дмитрий Ланев
Магия пирамид

«Автор»

2019

Ланев Д.

Магия пирамид / Д. Ланев — «Автор», 2019

Американский журналист, поймавший во Вьетнаме, видевший многое, встретил женщину - прекрасную, в чем-то экстравагантную. Им было хорошо друг с другом, и все было, как у всех, пока не вмешались таинственные древние силы, разрушившие жизнь, но не чувство.

© Ланев Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Первая встреча	6
Первый разговор	10
Чикаго	16
Египет	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Ланев

Магия пирамид

*Люди боятся времени,
а время боится пирамид
(Египетская поговорка)*

Первая встреча

Одна из многочисленных знакомых д-ра Антуана, с которой он поделился *моей* историей, вероятно, в психотерапевтических целях, сочла необходимым настоять, чтобы я отдал свои воспоминания об Элизе для ее журнала. Впрочем, прошло два года после того, как полиция вынесла свой вердикт – несчастный случай, который внес ясность в то, в чем ясности быть не могло. Разумеется, у меня нет никаких причин скрывать то, что происходило между нами, хотя в то, что я знаю и помню, мне самому порой верится с трудом. Это мне-то, человеку, бравшему интервью у всех крупнейших полицейских чинов Колумбии и Сайгона! Уж чего только они не «плели» мне – я «верил». Верил, а потом был рад, что не дал им усомниться в этом до тех пор, пока не оказывался в своей редакции, под защитой ее стен, американского закона и некоторых известных в широко не афишируемых кругах знакомых. Но может, это и правда, что нет ничего более полезного для читательниц женского журнала, чем рассказ мужчины, оставшегося ни с чем. Впрочем, не совсем ни с чем, ибо память о единственной женщине, сны о ней, желание ее, пусть даже чуть-чуть угасающее со временем – всего этого достаточно, чтобы наполнить оставшуюся жизнь неповторимым и большим смыслом. Это как служение богу, которое ни с кем нельзя разделить.

Наверное, проще рассказывать нашу историю с ее финала. Он относится к тому периоду моей жизни, когда я смог записать в каком-то из своих блокнотов глубоко прочувствованное следующее: "Неправда, что одиночество окружает человека! Оно рождается внутри него, где-то в лобных частях мозга, и протягивает свои щупальца вниз, к гортани, преграждая путь воздуху, спирая дыхание, дотягиваясь до сердца, которое начинает надрывно колотиться, будто детонирующий мотор, и, в конце концов одиночество достигает конечностей, и наиболее чувствительные их части – пальцы рук сжимаются, и вот тогда все тело совершает безрассудные, порой безумные поступки. Человек прилипает к окну, или к баранке автомобиля, и устремляется в не изведенное, случайными парами фраз борясь с монстром, который ожил в нем". Так что, должно быть ясно, какие настроения владели мной, когда я мчался на встречу с ней, назначенную в Египте. Песок вылетал из-под колес, и длинный шлейф пыли долго висел в воздухе, не оседая, как винный запах в каком-нибудь темном подвальчике. Я не видел ее уже тридцать дней! За это время я выпил столько, что возмутился не только мой желудок, но и печень. За тридцать дней без нее можно было потерять не только здоровье, но и самого себя.

Элиза – великолепная выдумщица всевозможных проказ и мучений для меня, в этот раз воспользовалась не почтой, а факсимильной связью, прислав сообщение о месте и времени, где назначает наше очередное свидание. Grimаса судьбы – мы даже не подозревали, что той нежной и в чем-то мистической дружбе, в которую превратилась наша однолетняя страстная связь, эта прожженная пустыня вынесет приговор и даст право сказать, что мы жили осень, зиму, весну и лето, Когда отношения затягиваются больше, чем на четыре сезона, приходится говорить прожили столько-то и столько-то, там-то и там-то, в чем услужливый слух всякого одиночки готов услышать трагические нотки плача существ, обреченных на борьбу друг за друга, в то время как предпочтительнее было бы наслаждаться друг другом.

В спешке я не подумал о том, что бумага для факсимильных аппаратов быстро выгорает на солнце, и не снял копию. Развернутый на колене листок, норовящий свернуться в трубку, посеред, а буквы на нем потускнели. Создавалось впечатление, что этому сообщению несколько лет, хотя я получил его только накануне – в благоустроенном и прохладном холле гостиницы, наполненном говором разноязыкого народа, из рук сексапильной египтянки, говорившей по английски так, как ребенок обсасывает слишком большую конфету.

Я взял напрокат джип и приехал к подножию одной из тысяч разбросанных по Египту пирамид. Согласно приказу я остановился со стороны, где нещаднее всего припекало солнце.

С противоположной стороны разбили свой комфортабельный лагерь археологи. Почему я не пошел к ним и не попросился в прохладу какой-нибудь палатки, где мог бы получить стакан джина с медленно тающими «глыбами» льда – причуда моего характера, согласного выполнить прихоть любимой женщины. Я сел на песок в тень, отбрасываемую джипом, вытянул ноги и приготовился ждать.

Что это была за женщина! Только она сама могла говорить о себе без лжи. Все остальные, кто когда-нибудь видел ее, не могли сказать правды, поскольку ни черта в ней не понимали. Произнося восхищенные или немного осуждающие слова все ошибались, не ведая того. Элиза была вне понимания обычного человека, занятого обычными делами и поглощенного обычными женщинами. Ее мог понять только свободный человек, каким в большей степени, чем другие, оказался я. Повезло ли мне?

Мы познакомились ровно за год до этого свидания в Египте. В начале октября 19.. года я оказался в Нью-Йорке, прибыв в этот раз из городка Гранд Хевен (Grand Haven), что расположен на самом берегу Мичигана. Самолет приземлился поздно вечером, около одиннадцати часов, а в такое время в октябре в Нью-Йорке на улице глубокая темень. Кроме того, как я знал из новостей, Новую Англию сотрясали штормовые ветра и ливни; где-то под Бостоном с нескольких домов сорвало крыши, а в Нью-Бедфорде (New Bedford) закрылся для посетителей музей китобойного промысла, так как потоки воды, несшиеся по наклонной улочке мимо него, не позволяли туристам подойти к величественным ступеням, ведущим в музей. Для нью-бедфордцев это было событием! В аэропорту Кеннеди в самом Нью-Йорке из-за ветра неудачно приземлился самолет. После желтого песка Мичигана, после обеда в залитом солнцем прибрежном ресторанчике, сквозь стеклянную стену которого открывался вид на небесный простор одного из Великих Озер, после мичиганских местных окуней, приготовленных без костей и так вкусно, что я попросил вторую порцию, Нью-Йорк показался мне темным и неудобным, а пиво, которое я купил сразу же после посадки – просто отвратительным. Я поставил недопитую бутылку на пол около дверей и вышел из здания аэровокзала с такой кислой физиономией, что пара полицейских на входе посмотрели на меня чуть более внимательно, чем на других пассажиров. Я не успел сесть в последнее желтое такси на стоянке и был вынужден воспользоваться услугами смуглого эмигранта с горбатым носом, как оказалось – бывшего некогда румыном. Он посадил меня в старый черный Линкольн и повез на Манхеттен.

Сам я с Западного побережья и, уехав с него, перебрался сначала в Азию, потом жил в Лондоне, и снова вернулся в Сан-Франциско. В Нью-Йорке я был всего несколько раз, и то – все время проездом. Я не знал этого города, о чем сообщил таксисту, и он ответил, чтобы я не беспокоился. Он, мол, семнадцать лет как шоферит и знает в этом огромном городе все. Поскольку я не сказал ему о своей профессии, которая тоже заставляет узнавать все, он проникся ко мне симпатией и доверительно сообщил, чтобы я остерегался проституток. Его английский оставлял желать лучшего, но ехал он быстро. Впрочем, если бы он знал, что моя командировка связана как раз с вопросом о проститутках, он, наверное, ехал бы еще быстрее. Но не об этом речь.

Американизированный румын привез меня в какой-то отель с замысловатым восточным названием, воспроизвести которое моя память отказывается, а лезть в записную книжку мне лень. Отель располагался на 62 улице. А это, как известно, не самый лучший район Манхеттена. Желтый свет пятнами падал на мостовую и тротуар, по которым носились, подталкиваемые ветром, бумажки и прочий мусор. Было абсолютно безлюдно – столь свободное от пешеходов пространство я встречал только в древних арабских катакомбах. Тишину нарушал лишь гул и грохот дорожно-строительных машин в нескольких кварталах от этого места, да шероховатый проносившихся иногда автомобилей.

– Very most comfortable and cheapest hotel! – воскликнул румын на прощание и уехал так быстро, что я не успел забрать у него сдачу с пятидесяти долларов.

Вход в "самый лучший и самый дешевый" отель казался наиболее темным местом в стене здания. Я вошел и в конце длинного пещерообразного холла с высокими потолками, в котором царил полумрак и густой запах каких-то благовоний, навевавших мысль о необходимости проветрить здесь все и выбить пыль из стоявших вдоль стен диванов, обнаружил стойку портье. Тяжелые полотнища спускались к ней, образуя нечто вроде алькова. Откуда-то сверху спускались золотые веревочные кисти. За стойкой обитал восточного типа субъект, прятавший в углу гамбургер и чашку с дымящимся напитком. По запаху это был кофе, но я никогда не видел, чтобы кофе источал столько пара, сколько может произвести только камчатский гейзер. За боковой портьерой скрывался еще один гостиничный служащий. По крайней мере, мне хотелось, чтобы это был именно гостиничный человек, а не главарь местной турецкой банды, за которого его можно было легко принять. Он был с ног до головы одет в черную кожу и в расстегнутый ворот на волосатой груди я заметил массивную золотую цепь.

– Однокомнатный номер на две ночи, – сказал я.

Портье отодвинулся от своей пищи, оглядел меня и ответил таким тоном, как будто он был участником суда Линча, а я – бедным ниггером, в собственном кармане которого нашлась подходящей длины веревка.

– Только двухместный. Сто пятьдесят долларов за ночь плюс налог, – произнес он и снова принялся за гамбургер.

– Недешево для этих мест! – я поддельно изумился, но облокотился на стойку и подвинул к себе стопку регистрационных карточек.

– Что значит недешево! – подал голос парень с золотой цепью. Он почесал скрюченными пальцами свою волосатую грудь и добавил:

– Это самый безопасный отель во всем районе!

Я понял. Я был благодарен ему за эту важную поправку. Именно в «самом безопасном отеле» я и хотел провести ночь... или две. Однако я остановил свою руку, готовую заполнить бланк, и вопросительно посмотрел на портье.

– Только на одну ночь! – сказал он.

Я не ожидал, что он так быстро прочтет в моих глазах то, что я думаю о его гостинице на самом деле.

– Что значит только на одну?

– Все занято, сэр! – ответил портье.

Я пожалел, что так быстро отпустил своего румына. В его рассказах о проститутках желание сорвать лишнее с клиента было все же менее заметно, чем во вранье портье.

– Ну, парни! Вы... – я отвернулся от стойки, собираясь взять сумку и покинуть отель, но не закончил фразы, поскольку тут же забыл, какое оскорбление хотел применить – после довольно интенсивной работы на Мичигане и утомительного перелета я был готов вспылить и проверить безопасность отеля на прочность, но... я увидел Элизу и осекся, как будто стеклянная стена возникла между мною и всем остальным миром. За ней только что захлопнулась входная дверь и она шла по холлу, оставляя за собой шлейф из загадочных и сладострастных улыбок современных чеширских кошечек. В колеблющемся воздухе за ее спиной стоящие у стены диваны преломлялись и превращались в услужливых и подобострастных карликов. На мой судорожный вздох она не обратила никакого внимания, а просто подошла к стойке и протянула руку. Портье вложил ей в ладонь ключ и при этом сверкнул глазами так, как это сделал бы индийский брамин, вынужденный отдать алмазное око своего божества для приданого дочери полковника английской армии.

Я снова повернулся к стойке.

– На две ночи только двухместный люкс за двести пятьдесят долларов плюс налог. – сказал портье, опуская взгляд.

Ставки росли пропорционально количеству достопримечательностей отеля и моему собственному пульсу.

Я согласился на эту цену, теперь показавшуюся мне вполне разумной для столь позднего часа, и заполняя регистрационную карточку осведомился, что это была за женщина.

– Мадам? – только это слово и смог выдать из себя портье, будто его заставляли признаться в чем-то глубоко интимном.

Первый разговор

Первую половину той ночи я провел в кресле, пытаюсь думать о работе. Это были мучительные попытки вернуть сознание в привычное, но – как оказалось – неестественное русло. Я не хотел думать о предстоящем на следующий день визите в Департамент Полиции Нравов. Мне было плевать на громадный каменный мешок, зовущийся Нью-Йорком, и несколько важных для моего материала слов неизвестной мне женщины в форме офицера его полиции. Я как-то быстро охладел к моей статье, как будто она была уже написана и опубликована, и благополучно заброшена на пыльный чердак истории. Журналисты часто с этим сталкиваются – ступок информации, ради которой пересекаешь огромные пространства или плещешься в каком-нибудь государственном учреждении, как осетр на мелководье, похож на метеорит величиной с грецкий орех, упавший в Амазонскую Сельву. Пробито несколько листьев, разбежались какие-то жуки, повернул голову ягуар – и ничего больше. Я пришел к выводу, что интервью с офицерами Полиции Нравов – вещь нужная, но так же подвержено прихотям и случайным поворотам истории, как и все остальное. Явление незнакомой женщины в холле отеля произвело на меня впечатление более значительного события. Моя статья показалась мне маленькой изюминкой рядом с сочной гроздью спелого винограда.

Вторую половину ночи я боролся с различными конторами по найму автомобилей. Мне почему-то казалось, что малиновый кабриолет ягуар-даймлер произведет нужное впечатление, и женщина посмотрит на меня чуть внимательнее, чем накануне вечером. Я боролся до изнеможения – бестолковые ночные клерки никак не могли понять, почему мне нужно именно то, что мне нужно. Точнее – мне было нужно то, что я хотел. Один сонный тип предложил восьмиметровый шестидверный кадиллак. Я представил себя в нем и расхохотался. Для меня приехать на свидание в такой машине означало то же самое, что придти пешком в шляпе на пять размеров больше, чем может поместиться на моей голове. Восемь метров и шесть дверей – это было слишком много. В моей собственной квартире вряд ли дверей наберется больше. "Нет-нет, – говорил я, – двухдверного кабрио будет достаточно. Но именно ягуар даймлер – с капотом, похожим на нос павиана! И с элегантно приспущенным задом. Ведь именно так выглядит сегодня настоящая нестоличная Америка – старый шериф в слегка обвисших сзади штанах." После слов о штанах клерки замолкали, потом начинали неуверенно бормотать и приносить извинения за скудный сервис, в конце концов признавались в собственном бессилии и предлагали позвонить в другие агентства.

Все же я добился своего, правда, ценой больших усилий – пришлось изрядно побороться со сном, который упорно старался закрыть мне глаза своей теплой лапой. Как-никак, а это была не первая ночь без сна за эту неделю.

В восемь утра я уже сидел в автомобиле напротив входа в отель. Эгоистическая часть моего сознания, отвечающая за нормальное функционирование организма, сверлила мозг мыслью, что я приготовился к встрече слишком рано: было безумием ожидать, что такая женщина просыпается раньше полудня. Но чистое серое небо, от которого вниз струилась прохлада, еще не смешавшаяся со смогом, укрепляла меня в моих намерениях. Я задрал ноги на «торпедо». Трое молодых негров в мятых костюмах прошли мимо, с интересом покосившись на рифленые подошвы моих ботинок, и свернули на ближайшую улицу. Я закинул руки за голову и принялся сочинять причину не работать, которая показалась бы убедительной моему шефу. Люди проходили мимо в обоих направлениях. Из проезжающих автомобилей пару раз выпали пустые пакеты от гамбургеров с товарным знаком Макдональдса. Мир нисколько не был взволнован большим чувством, пробудившемся в моем сердце.

Я нарочно так подробно останавливаюсь на всех этих мелочах. Дело в том, что хобби Элизы было устраивать сюрпризы. Впрочем, в ее случае сюрпризы часто казались – или ока-

зывались капризами, и наоборот. И тот первый день был отмечен печатью этой ее необычности. Я сидел уже минут двадцать, разглядывая латунные украшения на двери отеля, и успел сочинить штук пять четверостиший о своих переживаниях, как вдруг краем глаза заметил одинокого посетителя в кафе на противоположной стороне улицы, видимого сквозь большое окно. Кафе, вероятно, открывалось совсем рано, молодой парень в джинсовой безрукавке уже заканчивал тереть мокрой губкой его окно, но кроме замеченного мною человека в нем никого не было. Мыльная пена, стекающая по стеклу, мешала разглядеть человека должным образом. Судя по шляпке, это была женщина. В такой ранний час если человеку надо в кафе, то он не просто заходит – в восемь двадцать утра человек в кафе забегает, хватается гамбургер и бутылку колы, запикивает и заливает в себя все это, вытирая рот салфеткой и одновременно дожевывая, выскакивает обратно на улицу и оглядывается, приноравливаясь к ритму большого города, из которого его на миг вырвало чувство голода. Но женщина в кафе никуда не торопилась. Она медленно помешивала ложечкой в чашечке и вдруг ... подняла голову и посмотрела мне в глаза. Именно так – через всю улицу прямо в глаза. Я задохнулся и ощутил мгновенную слабость во всем теле, как будто только что проснулся не выспавшись. После короткого сна в ходе некоторых операций во Вьетнаме я чувствовал себя таким же ватным.

Женщина, а это была вчерашняя незнакомка, оглянулась, видимо, подзывая официанта, и снова посмотрела в мою сторону. Больше я ждать не стал, а вскочил и переметнулся через улицу, чудом проскочив перед желтым такси, водитель которого даже если бы хотел, не успел бы перенести ногу на педаль тормоза. Когда я вошел в кафе и подошел к ее столику, на нем уже стояла вторая чашка с кофе.

Позже при встречах с Элизой я часто ловил себя на ощущении, как будто выезжаешь в машине на огромную заасфальтированную площадь, на которой нет абсолютно никакой разметки. Куда ехать? Где твоя полоса? За ставшей явной округлостью горизонта везде подозреваешь готовую выскочить навстречу опасность. Уловив в себе это недоумение, граничащее с паникой, я понял, как сталкиваются самолеты в небе или корабли в океане. Человеку свойственно держать себя в рамках. Элиза разрушала стереотипы, она вела себя как звуки музыки в концертном зале, в котором тонко чувствующих душ все же меньше, чем хорошо слышащих ушей. В крайнем случае, я могу сравнить ее с кошкой, хозяйничающей в темном доме, в который вы вошли на пару минут. Ее большие глаза могли блеснуть с самой неожиданной стороны – и также погаснуть.

Итак, я вошел в кафе, небрежно сдвинув в сторону попавшийся на дороге стул, окинул взглядом расставленные в два ряда столики – никем не занятые и чистые, как умытые ночным дождем тротуары, и сел рядом с Элизой перед второй чашкой с кофе, появившейся, как по волшебству, пока я летел осенним листом через улицу.

– Ветер – сказала она, вскинув взгляд на мое лицо и остановив его на растрепанных волосах.

На улице действительно было ветрено, но я не нашелся, что ответить. Очевидные вещи – согласиться с ними не легче, чем возразить. Это как ответить на вопрос, какая перчатка лучше – левая, или правая. "Дайте обе" – обычно отвечал я в таких ситуациях.

Столики в кафе были круглые, мы сидели вполоборота друг к другу. Она бесцеремонно смотрела на меня справа, а я смотрел на опустившего голову и, вполне вероятно, заснувшего бармена за стойкой. Повернуть голову в ее сторону я не мог. Просто не мог. Во время одной операции во Вьетнаме случайно погиб грудной младенец. Мы уходили из деревни, а его мать стояла на краю дороги и смотрела на нас. Мы для нее были чем-то вроде внезапно расшвырявшей стихии, она не проклинала нас и не плакала. Но мы почему-то, проходя мимо, смотрели строго вперед. Даже не под ноги. Несостоятельность и упрямство пирровых победителей влекло нас обратно в казармы. Такие апострофы сознания, такие камешки в извилинах потом не дают покоя всю жизнь.

– Джон! – она положила свою ладонь на мой кулак рядом с чашкой, к которой я так и не притронулся, – вы не любите кофе! Я ошиблась, Джон..."

Мне почудились слезы в ее последних словах и я было открыл рот, но не успел ничего сказать.

– Пойдемте отсюда, Джон! Пойдемте!

Ей, должно быть, нравилось произносить мое имя. У нее это получалось чуть-чуть нареспев, не по американски. Вероятно, портье мог быть слоохотливым, когда хотел. От предмета своего тупого вожделения имени постояльцев он не скрывал.

Мы встали и направились к выходу, но остановились перед стойкой. Бармен поднял голову и с готовностью услужить чуть-чуть развернулся к полкам позади него.

– Пачку Camel и зажигалку – сказала Элиза.

Бармен повернулся к нам спиной, достал с верхней полки сигареты и задержал ладонь около коробки с одноразовыми зажигалками

– Какого цвета?

Его вопрос прозвучал глухо, как всегда бывает, если человек говорит, отвернувшись или не поднимая глаз. Эта женщина производила удивительное впечатление на всех, с кем заговаривала.

Невинный вопрос, на который обычный человек отвечает мгновенно, заставил Елену задуматься. Когда она думала, это становилось заметным по возникающей вокруг напряженности. Как будто она подсасывала энергию от присутствующих. Шум, доносящийся с улицы, на мгновение становился тише, как будто очередная партия ревущих автомобилей еще не сорвалась с ближайшего светофора. Она быстро глянула в мою сторону и ответила:

– Красную.

Я не отрываясь смотрел на ее ладонь, кончиками выпрямленных пальцев касающуюся поверхности стойки из пестрого пластика под "перепелиное яйцо". Ладонь была белая, почти мраморная и лишь еле заметные тонкие голубые жилки говорили о том, что под тонкой кожей течет кровь. Длинные пальцы – не сухие, как у музыкантов, а чуть пухлые, как у детей, были украшены парой тонких золотых колечек с маленькими бриллиантами. Ухоженные ногти покрывал прозрачный лак, из-за чего они слабо поблескивали.

Бармен поставил пачку сигарет и зажигалку на стойку и после этого обрел в себе смелость поднять голову и встретиться глазами с покупательницей. Но он опоздал. Элиза быстро отвернулась и пошла к выходу, забрав только сигареты. Я пожал плечами и пробормотав что-то взял зажигалку.

Торопясь вслед за Элизой на другую сторону улицы я имел возможность разглядеть ее подробней. Смотреть ей в спину было безопаснее – голова не кружилась и можно было спокойно любоваться великолепными пропорциями тела без страха потерять голову. Одета в слегка приталенный серый плащ и туфли на высоком каблуке "рюмочкой" она была похожа на одну из тех деловых женщин, каких много на Манхэттене днем, когда в офисах обеденный перерыв. К счастью, ничего от современных топ-моделей в ней не было – ни тощих бедер, ни выгнутой в обратную сторону, как дуга лука, тонкой спины. Настоящая земная женщина, созданная для радости здорового мужчины, а не гипсовая фигурка для витрины модного магазина. Ничего лишнего, но и добавить нечего. Она перешла улицу и, ступив на тротуар, обернулась с улыбкой. В ней было что-то от древних ирландских богинь, чьи широкие бедра, казалось, были тем лоном, в котором зародилось если не все сущее на земле, то уж пара-другая волшебных исполинов точно. Влечение, которое всколыхнулось во мне в этот миг, совершенно не походило на зуд в некотором месте, под влиянием которого современный человек обычно покупает порнографический фильм или заводит случайное знакомство в баре. Какое-то глубинное чутье подсказало мне, что наша встреча случайной не была. Разве случайно встречаются облезлый, переживший зиму, но тем не менее разогнавший всех соперников медведь и

молодая медведица, которая еще пахнет еловыми ветвями, на которых была зачата сама, готовая к первому совокуплению, продолжающему род хозяев тайги? И разве случайно маленький паучок-самец находит дорожку к огромной своей Черной Вдове, а потом еще некоторое время пробирается по ее шелковистой спинке, чтобы зародить в ее материнской глубине какое-то свое подобие? Нет, это все бывает не случайно. Вот только в моем случае нельзя было догадаться, как могли развиваться события. Или медведь махнет лапой, прогоняя медведицу, обрывая мимолетную весеннюю связь, или оплодотворенная Черная Вдова протянет лапку и отправит уставшего самца в свою хищную пасть.

Элиза остановилась около моего «Ягуара» и оперлась на его капот рукой. Она умела принимать позы, свойственные античным статуям, в которых не чувствуется ни напряжения, ни беспокойства. Под светлым плащом на ней было надето короткое желтое платье, усыпанное блестками. Я не знаю, насколько это было модно, но поднимающееся солнце – невидимое за окружающими громадинами домов – все же умудрилось как-то запустить один свой луч по окнам и попасть, отразившись, на эту желтую сверкающую ткань. Я зажмурил глаза и остановился в шаге от нее.

– Простите, я давно знаю, о чем вы хотите меня спросить, но мучаю вас...

– О чем же? – я не переставал жмуриться и вслушивался в голос, который, казалось, доносился сразу со всех сторон.

– Вы хотели узнать, как меня зовут...

Я кивнул головой.

Так мы познакомились. Я раскрыл глаза и пожал протянутую узкую и холодную ладонь. Протягивая руку, Элиза сложила пальцы лодочкой. Может, она рассчитывала на поцелуй?

Она села в машину, откинулась назад и, поглаживая кончиками пальцев украшенную лакированным деревом крышку бардачка, невзначай открыла ее. В бардачок я заранее положил плоскую бутылочку темного Мартеля. У меня не очень хороший вкус и пить я могу все что угодно, но этот коньяк был мне привычен, я с ним даже как бы сросся: бордовая этикетка от такой вот бутылки была приклеена к внутренней поверхности мой каски во Вьетнаме. Этикетку мне прислали друзья, написав, что она отклеена с той самой бутылки, которую они выпили за мою удачу. С тех пор мы всегда вместе: я и французский коньяк.

– Вы одиноки, Джон? – вдруг спросила Элиза совсем невпопад моим веселеньким мыслям.

– Нет! – резко ответил я. (Через год я понял, насколько врал самому себе.)

Вдоль улицы подул ветер и о лобовое стекло зашелестел песочек. Элиза насмешливо глянула в мою сторону:

– Пыль в глаза? – то ли спросила, то ли заключила она. Но я уже понял, что все ее слова нужно было относить на мой счет. Явления природы ее не беспокоили. Во всяком случае ветер беспрепятственно забавлялся полями ее шляпы, а она даже не поднимала руки, чтобы придержать их.

В мои сорок с небольшим лет пускать пыль в глаза уже перестало быть хобби, которому посвящаешь досуг или специально выкраиваешь время. Для меня это стало привычкой, к тому же, помогающей в работе. Я пожал плечами и положил левую руку на руль.

– Едем?

Она не ответила, но наконец-то сняла свою шляпу и положила ее на колени. Когда она опускала голову вниз, длинные волосы полностью скрывали щеки, и пришлось бы вытянуть шею, чтобы заглянуть в лицо за этой натуральной чадрой.

– В Бостон – сказала она, доставая из сумочки перламутровую заколку. После этого она как бы забыла обо мне и занялась своими волосами, пряча их под шляпой. Мне ничего не оставалось делать, как отвернуться и включить зажигание.

Никогда я еще не был таким послушным. Я поехал в Бостон, прогнав вспомнившиеся на долю секунды деловые встречи этого дня. Но разве это было послушание? Можно ли сказать о бревне, увлекаемым течением, что оно "послушно" реке. У него уже нет выбора и, безусловно, нет сознания, чтобы соображать о конечной цели плаванья. Только более мощная воля, сторонняя могучая сила может вырвать его из воды и тогда хрустальные капли, падающие обратно в реку, станут слезами, пролитыми над оборванной чудесной связью.

Я не был послушен. Я делал то, что хотел и чувствовал, что постепенно приближаюсь к какой-то своей еще не понятой мечте. Следующим шагом на этом пути было положить руку на бедро Елены. Это было легко – чуть ошибиться при переключении передач. Я так и поступил – перенес ладонь немного дальше и прикоснулся к ней. Меня постигло разочарование – плотные колготки не пропускали тепла тела. Елена немного отодвинулась на сиденье и я отдернул руку, пробормотав нелепые извинения.

Довольно долго – до самого выезда из города и даже после, мы ехали молча. Однако молчание не было в тягость мне, тем более, что изредка мы обменивались улыбками, для которых, впрочем, не было никаких поводов.

– Остановимся – сказала наконец Элиза каким-то бесцветным голосом, как будто одинокая капля упала на песок, вызывая удивление не столько своим появлением, сколько тем, что одна.

Мы неслись по крайней левой полосе, и мне понадобилось несколько минут, чтобы перестроиться направо.

– Свернем.

Я свернул на ближайший съезд и медленно поехал по неширокой дороге, по бокам которой стоял густой лес в великолепном осеннем облачении. Пахло упавшими листьями и чем-то еще, что навеивает тоску, доводящую до самоубийства, на длинноволосых худых наркоманов, а в здоровом теле вроде моего рождает радость от соприкосновения с величием живой природы.

– Остановимся – снова тихо, но уже с еле заметной настойчивостью повторила Элиза.

Я стал медленно тормозить, разглядывая обочину. Съехать можно было не везде. Но Элиза сама схватилась за руль и резко дернула его на себя. На скорости тридцать миль в час мы вылетели с дороги и подняв тучу песка и сосновых иголок застряли между уходящих в высь бронзовых стволов.

– Мы так уьемся – выдавил я из себя. Пришлось повертеть головой, чтобы шейные позвонки встали на место.

– Что ты сказал, Джон? – Элизы уже не было в машине. Она стояла возле нее и отряхивала плащ. Ее шляпа исчезла и шикарные золотые волосы снова свободно спадали на плечи и за спину. Перламутровая заколка, которая раньше сдерживала их, лежала на открытой крышке бардачка.

Я повторил свои опасения, но она насмешливо глянула на меня и отвернулась.

– Я не уверена в том, что погибнуть так легко – сказала она.

– Влюбиться намного легче – это уже были мои слова. Я обошел машину и обнял Элизу за плечи. Чертовски захотелось зарыться носом в ее волосы и я не смог побороть этого искушения. Странно, но сначала мне показалось, что у ее волос не было никакого запаха. Но потом я вдохнул поглубже и нашел его. Как будто легкий ветерок доносил аромат цветущего розария, не смешивая его с пряным настоем осеннего леса.

Мы провели там целый день и, честно говоря, чертовски вспотели. Дорога, к счастью, оказалась не слишком оживленной. Только дважды кто-то останавливался и интересовался нашей машиной. Приходилось подниматься с расстеленного плаща и выглядывая из-за капота, отсылать непрошенных гостей по их делам.

Потом мы не поехали в Бостон, а вернулись в Нью-Йорк. Я – влюбленный так, что горели уши. Она – слегка опьяневшая то ли от коньяка, то ли от свежего воздуха, то ли тоже от любви.

Элиза закурила сигарету, входя в отель, и портье злобно посмотрел в мою сторону, ибо я шел слишком близко от нее. Надо ли говорить, что мой двухместный люкс пришелся как нельзя кстати.

Чикаго

Второй раз мы встретились в Чикаго. Я сидел в недорогом, насквозь сыром номере Harrison Hotel на одноименной улице и разговаривал с двумя парнями из пуэрто-риканской мафии, которые любезно – за небольшие деньги – согласились позабавить меня своими байками и добавить в мою новую статью немного крови и перца. Те, кто бывал в Чикаго, знают, что отель этот находится практически на границе белой и черной части города. Вид из окна был соответствующий – пустая парковка и кирпичная стена с огромным красным крестом, нарисованным пару-тройку десятилетий назад. Немного левее изгибались петли фермы и рельсы сабвея. Когда зазвонил телефон, я взял трубку и отошел к окну. Но едва я услышал милый голос, как военно-приграничный пейзаж расплылся и даже как бы исчез. Я видел только удивительно синее небо над ним.

Я быстро закончил разговоры с молодыми гангстерами, распрощался с ними, посоветовав не быть столь откровенными в других местах, и выставил их за дверь. Потом сбрил трехдневную щетину и спустился вниз.

Ехать было минут сорок – немного за улицу Девон, заселенную, как я знал, эмигрантами из России. Спокойный и приличный район. Трудности могут возникнуть только в случае, если забыл купить англо-русский разговорник. Но мне было легче – необходимый дом находился напротив церкви, к которой вели указатели прямо с Девон.

Я припарковался между старым огромным Бьюиком и новой маленькой Хондой, громко хлопнул дверцей и через небольшой ухоженный дворик подошел к двери под железным козырьком. Дверь была не заперта и за ней оказалась узкая деревянная лестница, которая закрипела на все лады, будто приступающий к репетиции струнный оркестр, едва я ступил на первую ступеньку.

Тут же сверху над перилами показалось круглое старушечье личико, обрамленное пепельными волосами и имеющее тот марципановый розовый, истинно американский цвет, какой приобретают в Америке все пенсионеры. Я не знаю, почему так происходит, но как только человек перестает работать, бороться каждый день за себя завтрашнего, он превращается в отражение яблочко-вишневого пирога, который каждое утро готовит вместе с популярным телеведущим.

Старушка встретила меня на верхней площадке. Была она маленького роста и совсем не говорила по-английски. Вместо этого она приветливо и безостановочно улыбалась и кивала головой, приглашая последовательно совершать ряд действий, похожих на некий обряд – я снял ботинки, надел мягкие тапки, затем был препровожден в ванную комнату и вымыл руки, и только после этого, чувствуя себя как будто после причастия, был запущен в комнату.

Элиза была здесь. Она сидела в глубоком кресле качалке, укрытая шерстяным пледом, и читала письмо, когда я вошел. Конверт лежал у нее на коленях, а лист бумаги легонько подрагивал, зажатый тонкими пальцами. Я остановился на пороге. Было жаль шагнуть дальше и разрушить установившуюся в комнате гармонию. Вся комната освещалась только одной лампой с большим матовым плафоном, стоящей на невысоком шкафчике сбоку от Элизы. Это было удобно – свет падал как раз на письмо. И кроме этого, он еще так чудесно переплетался с золотыми ее волосами, что создавалась иллюзия нимба над ее внимательным в чтении лицом.

– Prelestnitza – громко воскликнула старушка, выныривая из-под моего правого локтя. Она шустро просеменила к противоположному углу и щелкнула выключателем. В комнате вспыхнул яркий свет – от люстры, состоящей из сотен стеклянных леденцов и сосулечек, подвешенных на бронзовых обручах под самым потолком.

– Джон, мой дорогой Джон – ласково проговорила Элиза, откладывая письмо в сторону и потягиваясь, вытягивая вперед руки.

Я было шагнул к ней, но опять споткнулся о старушку, которая тут же вручила мне поднос с чашками и исчезла в коридоре, ведущем, вероятно, на кухню.

– Поставь его на стол, – сказала Элиза, – тебя приняли как старого знакомого. Так что помогай.

Я исполнил просьбу так тщательно, как только мог. Даже ничего не разбил при этом, хотя руки тряслись от желания обнять любимую женщину. Чашки только зазвенели, столкнувшись при перелете с подноса на стол. И лишь справившись с ними я подошел к Елене и наклонившись поцеловал ее в губы. Золотой нимб уже погас, общее освещение затмевало его, но мистический восторг, который я испытывал, дотрагиваясь до нее, не пропал. За пару проведенных в разлуке недель он стал сильнее. Я почему-то подумал о цепной ядерной реакции. Любовь такое же необратимое явление – она имеет свою чудесную логику, по которой каждое действие приводит к вполне определенному следующему. И в этой цепочке нет обратных ходов, которые нельзя было бы определить как смерть или предательство. Но я-то очень хотел жить.

Снова появилась хозяйка, и я помог ей найти на столе место для большого фаянсового чайника. Через минуту мы опять остались одни.

– Ты соскучился, Джон? – спросила Элиза, откидывая плед и поднимаясь с кресла.

Черт! Соскучился ли я! Как я мог ответить на этот вопрос – на первый взгляд бестолковый, а на самом деле преисполненный женского коварства, лести в адрес мужчины и собственной любви. Конечно, я соскучился. Внешне это проявилось в тигрином прыжке и громком приземлении возле любимых коленей. Кроме того, я чуть не задохнулся. Элиза была в очень коротком, очень открытом и очень облегающем лиловом платье. Маленький бриллиант на золотой цепочке сверкал оттуда, где начиналась впадинка ее груди. Я поцеловал ее в то место, где край платья соприкасался с бархатной кожей бедра. Элиза немного согнула ногу в колене и погладила ею мою щеку. Потом опустила ладони на мою голову и легонько оттолкнула.

– Иди, помоги тетушке.

Так я кое-что узнал о ее происхождении.

Была она русская, но род их, всегда довольно состоятельный, вот уже почти что век как был рассеян по всему свету. Сама Элиза родилась в России, но теперь, покинутая двумя мужьями, одним русским и вторым англичанином, каждый из которых оставил ей довольно средств перед расставанием, имела английский паспорт. Где-то в Челси у нее была квартира. Теперь я уверен, что мужья ее, освободившись от этого дьявольского наслаждения, похожего больше на возмездие свыше – жизни с ней, успокаивались и становились просто хорошими и верными друзьями, оплачивая, вероятно, все ее путешествия. Сама она не работала, по крайней мере, в то время. Чем она занималась? О! Она путешествовала! Если ваше сердце закрыто для впечатлений, если в окружающем мире вы способны заметить только нового диктора в новостях и о войне где-нибудь в Африке думаете так, как о сливочном мороженом для диабетиков, то вы никогда не поймете, что значило путешествовать для Элизы. Она не могла построить яхту и пересечь на ней океан, но она пересекала его на больших пароходах и так, как спортсмен прислушивается к току собственной крови, она прислушивалась к чужой. Она упивалась всем – нефтяными разводами у причалов, белой пеной в кильватере; до боли в собственных глазах вглядывалась в черный глаз с желтой окантовкой пойманной матросом чайки; наблюдая за львами в каком-нибудь национальном парке она инстинктивно повторяла их движения, и ее походка становилась такой же мягкой и неслышной, как у львицы. Восточный базар и котел с пловом были для нее явлениями одного порядка. Везде она находила что-то восхитительное, что-то странное, что-то редкостное. И все было достойно ее памяти. И когда она любила, все это выплескивалось. Она стонала, как птица, гнездо которой разоряют охотники, прижималась, как подкрадывающаяся к добыче львица прижимается к земле, извивалась, как дерущаяся змея или каталась по кровати, как резвящиеся антилопы по траве. И она одаривала негой, какую дарит только прохладная река истосковавшемуся по воде путешественнику.

Мы продолжали встречаться с перерывами в несколько недель. За Чикаго последовал Париж, затем длинное (четыре дня) португальское путешествие, мы встретились даже на ежегодной регате в Мельбурне и в ходе небольшой заварушки в Уругвае. То она звонила в редакцию и потом оказывалась недалеко от тех мест, куда засылала меня работа, то я, узнав, куда она собирается, находил причину оказаться там же. Тем не менее за весь год мы провели вместе не больше месяца. А я попадал в такие места, к таким красоткам, что мог бы утешить горечь разлуки без труда и хлопот – немного материальных затрат, и только. Да и совесть моя была бы чиста, поскольку журналистский нюх, помноженный на жизненный опыт давал основания подозревать, что верность не была присуща и Элизе. Как можно требовать верности от ветра? Но я уже начал замечать в себе первые зернышки грусти, первые проблески дикой космической тоски, и не позволял себе расслабляться с другими женщинами. Я находил в своей любви что-то жертвенное. Это чертовски завлекало, хотя любой человек сказал бы, что мне надо было просто обратиться к психиатру. А что бы я сказал врачу? Что плохо сплю и не нуждаюсь ни в каких женщинах, кроме одной? А он бы прописал мне снотворное – как врач, и посоветовал бы посетить бордель – как мужчина! Такие лекарства я мог прописать себе и сам, тем более, что для приобретения их рецепт не нужен. Но в том-то и была уникальность моего нового состояния, что я не хотел снотворного и всего прочего. Я понял, точнее, обнаружил в себе некое новое ощущение... Говоря высокопарно, я понял, что любовь – это неосознанная необходимость. Да! Именно так – неосознанная необходимость. Я не знал, что именно я получал от Элизы, но я знал, что не могу жить без того, чтобы не жила она. Я не нуждался в ее присутствии каждый миг, работая, я даже иногда не думал о ней, но сознание, что она где-то есть, что-то делает, кого-то обольщает, идет пешком, едет в автомобиле, пьет кофе, разрезает за обедом мясо в каком-нибудь ресторанчике и так далее... приятно согревало меня изнутри. Я был спокойно и ровно счастлив. Когда мы встречались я мог умереть от наслаждения видеть и касаться ее, я вспыхивал, как спичка под увеличительным стеклом, под ее взглядом. Когда она была далеко, я все равно был уверен, что жизнь прекрасна; ведь мы были двумя полюсами этой планеты и все, что происходило и было на ней, заключалось в сетке соединяющих нас меридианов.

Египет

И вот она попросила приехать в Египет. О причине этого приглашения в сообщении было сказано предельно лаконично: ее друзья-археологи раскопали что-то интересное, ей жутко хочется посмотреть, и кроме того, я тоже смогу сделать хороший материал. Безусловно, она не предупредила о солоноватом вкусе, какой бывает от растрескавшихся губ, о нервном напряжении бешеной езды по пустыни и возбуждающем, как запах недавнего пожара, ожидании в тени автомобиля с посеревшим факсом на колене. Это свалилось на меня неожиданно и мне понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.